

Первая поездка Ильи Муромца (2)

Во том во городе во Муроме,
Во том селе да Карачагове,
Жил тут Иван сын Тимофеич.
У того Ивана Тимофеича
Было у него еди́но́ чадо,
Еди́но́ чадо́, да еди́но́е;
Оно хворо было у него, нездоровое,
И жил он у него в посторонной хрѹмине —
Он тридцать лет тут без ног сидел
И не видел свету белого, вольного.
Во тридцатом году, да во посленни нни,
Среди-то было да ночки темныя,
Приходила ему сиротинушка убогая,
Просила милѹстыну его ради́ Христа.
Говорит же ей удалой доброй молодец:
«Уж ты ой еси, сиротинушка убогая!
Не могу я стать, милостыни подать,
Не то — тебе подать, рад сам принять».
Эта сиротинушка убогая
Вынимает ковригу дару божьяго,
Из кормана вымат скланной ножичек
И стала эту ковригу порѹшивать,
Да и стала его маза́ть да ноги резвые,
Раз она помаза́ла ноги резвые,
Другой раз помаза́ла ноги резвые.
Затим она помазала очи ясныя,
И стал тогда молодец да на резвы ноги.
Ище его мазала да очи ясныя,
И увидел тогда молодец да вольной белой свет;
И эта сиротина да тут потерялася.
Молодец тут слезно расплакался:
«Это чудо ле, братцы, не диво ле,
Что же надо мной это сделалось,
Что надо мной состоялосе?
Урод ле приходил, меня уродовал,

Але во сне мне-ка это привиделось?
Приходил, винно, Микола мне Светитель».
Учул он в себе удачу молодецкую,
Учул силу богатырскую;
Стал он тут похаживать,
Приходил ко дверям ко широким,
Двери были плотно замкнуты,
Навешаны были замки весучие;
Топнул детинушка двери широкие —
Разорвались замки весучие.
И вышел он вон на улицу
И пошел по своему широку двору,
Ко своему к отцу, к матушке.
Отца-матушки дома не случилось,
Ушли они чистить поле чистое
Под ту под пашню хлеботоронную;
Он пошел им помогать поле чистити.
С отцем, матушкой детинушка поздоровался,
На него тогда они взрадовались.
И стал им помогать поле чистити,
И стал дубья рвать со коренём.
Говорит его тогда мать родимая,
Говорит хозяину Ивану Тимофеичу:
«Винно, дитё будет нам не кормилицо,
Станет ездить, винно, по полю по чистому».
Немного помогал им молодец поле чистити,
Как стал у них просить благословеньица
Да съездить-сходить да в стольной Киев-град:
«Посмотреть мне князя Владимира,
Посмотреть всех русских богатырей».
И просит их, падат во резвы ноги;
Не давают они ему благослов<л>еньица;
И падат им детинушка во второй након,
С буйной главы до сырой земли;
Не давают они благословленьица;
Падат им детинушка во третей након:
«Дадите пойдю и не дадите пойдю».
Тогда дали ему родители благословленьице
С буйной главы до сырой земли,

И стали они тогда ему наказывать:
«Когда ты было у нас хворо-нездоровое,
Много об тебе мы обвещалися:
Когда будешь ты у нас живой-здоровой,
Когда будешь ездить по полю по чистому,
Не проливай ты напрасно крови человеческой.
Стоять тогда за веру за крешшоную,
За ти монастыри за причестными,
За ти за церкви да за божиин,
За ти младенцы троедёнными».
И все это они ему наказывали,
И все это ему наговаривали.
Тогда же его отец-батюшко,
Тот Иван сын Тимофеевич,
Повел тогда его на конюшен двор
Отдавать ему коня добраго.
Привел он детинушку на конюшен двор,
Отворил двери там широкии.
Стоит там да, право, доброй конь;
Конь стоит наубёл-белой,
Хвост-грива научёрн-черна,
Научер-черна, как у чёрна ворона;
Конь стоял на семи цепях,
На семи цепях, на семи развезях.
Накладывал на него детинушка узду чекмянную —
Разорвал он все цепи железные.
Выводил коня вон на улицу,
Накинул на него руку правую —
Конь засел в землю по щёточек.
Не седлал он коня добраго,
А заскочил прямо на добра коня —
Побежал его нончи доброй конь.
Доезжат детинушка до реки до Медвежины,
Напоил водой чистою коня добраго
И приехал назад к своему широку двору.
И стал он тогда заводить все приправы себе молодецкие,
Сбруню себе богатырскую.
Пошел он сперва к кузнецу, ко мастеру,
Сковал сперва палицу боевую,

По весу тянет палица девяносто пуд.
Потом сковал себе саблю булатную,
По весу тянет сабля двадцать пять пудов.
Сковал копейцо буржумецкое,
По весу тянет копейцо десять пудов.
И завел себе лучишко подорожноё,
Тридцать три стрелочки каленыи,
Каленяя стрелочки, перёныи,
Перёныя — перышка были орлинские,
Не простого орла — сика́мского.
Стал тогда молодец снаряжаться,
Стал он тогда сподоблятися,
Стал уздать-седлать коня доброго;
И стал он сперва на коня класть плотны плотнички,
На плотнички мякки войлочки,
А затем седёлышко черкальчато;
Подстеговал он двенадцеть подпруг шелковых,
Ище брал черезхребетницу
Через степ лошадинную,
Не простого шолку — земли Греческой,
И стал класть всю приправу молодецкую
На седёлышко черкальчето,
И стал тогда залог закладывать:
«Не слезовать чтобы мне со добра коня».
И другой залог стал закладывать:
«Не кровавить чтобы сабля вострая».
Третьей залог стал закладывать:
«Не вымать из на́лучья тугой лучек».
Не видели тогда поездки молодецкой,
Побежки лошадиной,
Только и видели, как молодец на коня вскочил
Да в стремяна ступил.
Винно: в поли курива стоит,
Курива стоит, да дым столбом валит.
Приежжат молодец к ростаням широкиим —
На ростанях-то лежит да сер-горюч камень,
На камешке подписи есть подписаны
И подрези есть подрезаны:
«Есть тут три дорожечки широкии в стольной Киев-град:

Еннóй дорогой ехать три месеча,
Другой дорогой ехать два месеча,
Есть третья дорога прямоежжая,
Ехать той дорогой полмесеча.
Енной дорогой ехать — женату быть,
Другой дорогой ехать — богату быть,
Третьей дорогой ехать — живому не быть».
Стоит молодец да призадумался:
«На что же мне женату быть?
На старость женату — чужа корысть.
На что мне на старость богачество?
Есть у меня богачество.
Поеду я лучше по дороге прямоежжой, где живу́ не быть, —
На поле старому смерть не писана».
Поехал молодец по той дороге прямоежжой,
Есть на ней три за́ставы великия:
Первая на ней за́става великая —
Есть на ней болота дыбучие, грязи черныя.
Росла дорожка та прямоежжая ровно тридцать лет,
Никто по ней не проежживал,
Ясный сокол не пролетывал.
Тогда стал доброй молодец первой залог разрушивать:
Слезавает со добра коня,
Левой-то рукой коня ведет,
Правой рукой дубья рвет, мосты мостит,
Мосты мостит все калиновы,
Перекладины кладет дубовые.
Промостил тогда грязи черныя, болота дыбучие,
И проехал доброй молодец за́ставу великую.
Заскочил тогда на добра коня
И поехал в стольной Киев-град.
И здраво едет поле чистое,
Здраво едет лесы темные,
И доезжает до за́ставы великия.
Живут тут мужички да новотокмяны,
Не пропускают они ни коннаго, ни пешаго,
Не удала добра молодца,
Всех они бьют и грабят.
Увидели они удала добра молодца

И ладят его бить и грабити;
За его стали хвататисе,
За его стали иматисе;
Он сидит на добром коне — не трехнется
И говорит им таково слово:
«За что вы меня хотите бить и грабить?
Бить вам меня не за что,
Взять у меня нечего,
Только есть у меня, право, доброй конь,
Конь стоит у меня восемьсот рублей;
Еще есть у меня шуба кунья,
Она стоит у меня семьсот рублей;
Ище есть у меня чуден-крест серебряной,
Крест-от стоит у меня пятьсот рублей».
Тут робята стали за него пуще хвататися,
Пуще стали иматися,
По пяти, по десяти и по двадцати пяти со стороны хватаются.
Стал тогда молодец разрушивать другой залог:
Вымал из-за нáлучья тугой лучек,
Из кармана вымал тетивку шелковую,
Из кольчужины вымал каленú стрелу,
Принатегивал тогда, право, тугый лук,
Принаправливал калену стрелú,
Хочет стрелить в землю матушку,
Сам он стрелке приговариват:
«Лети, моя калена стрела, в землю матушку,
Рой землю матушку до пояса,
Оборви у робятушок ноги резвые!»
Полетела его калена стрела в землю матушку,
Рыла землю матушку до пояса;
Тогда все мужички уstraшилися,
Как овсяны мешки повалилися.
Поехал тогда молодец в стольной Киев-град.
Здрaво он едет поле чистое, леса темные,
Подъезжает к заставе великой,
Эта застава великая — заселился тут Сóловей Рахматович.
У той дороженьки широкой
Свито-вúто у него гнездо на семи дубах
И на семи пагубках;

Сидел Сбóловей Рахматович ровно тридцать лет,
Не пропускал не конного, не пешого, ни удала добра мóлодца,
Не пролетныйи ясны сокола,
Убивал своим свистом за двенадцать верст.
Приезжает удалой доброй молодец,
Услыхал его Сбóловей Рахматович,
Засвистел Сбóловей по-соловьиному,
У старого конь учул — пал наобкарачь.
Бьет коня он по тучным ребрам,
Сам коню приговариват:
«Ох ты волчья сыть, травяной мешок!
Не слыхал, винно, ты в поле волчьяго воя, воронаго граянья,
Што падашь наокарачь!»
Стал тут молодец принатягивать тугой лук,
Принаправливать калену стрелу,
Сам ко стрелке приговаривал:
«Ты лети же, моя калена стрела,
Повыше лети лесу темнаго,
Пониже облака ходячаго,
Не падай не на воду, не на землю,
Пади Сбóловью во правой глаз!»
Повалился Соловей со вита гнезда,
Тут молодец коня подганивал,
Сбóловья на землю не уранивал,
На подлетике его и подхватывал,
Брал себе в седёлышко черкальчето
И поехал в стольной Киев-град.
У старого конь стал подпинатися,
И стал конь подпиратися.
Бил он коня по крутым ребра́м,
Бил и приговаривал:
«Ох ты волчья сыть, травяной мешок!
Винно, чуешь каку ле невзгодушку
Над собой ле, над хозеином?»
И сказал ему конь языком руськиим человеческим:
«Некакую я не чую невзгодушку
Не над собой, не над хозеином,
Не могу нести вас — два богатыря».
Тогда встает удалой доброй молодец,

Сымает Сбловья с седельца черкальчета,
Приковывал его ко стремени лошадиной
И поехал вперед в стольной Киев-град.
Едет к Сбловью к широку двору,
У Сбловья было три дочери,
Поленицы приудалыя.
Увидали сначала Сбловья его дочери:
«Уж ты ой еси, матушка родимая!
Едет у нас отец, мужика везет,
Мужик у стремени поскакиват».
Тогда бросилась жена ко окошечку косящату,
Посмотрела из трубки подзорная:
«Ох вы глупы дочери, неразумныи!
Мужик-от едет, отца ведет».
На то были дочери догадливы,
Побежали скоро вон на улицу,
Заскочили на ворота на широкие,
Затенули подворотничку тяжелую,
Хочут спустить ее на удала добра молодца.
Увидал их Сбловей Рахматович:
«Уж вы ой еси, дочери родимые!
Не сердите вы удала добра молодца,
Просите меня на выкупку,
Давайте ему золотой казны».
Соскочили дочери родимые,
Добра молодцу низко кланяются,
Давают ему золотой казны.
Говорит удалой доброй молодец:
«Не надо мне ваша золота казна,
Отмыкайте лучше все погреба глубокие,
Отмыкайте подвалы широкие —
Не сидят ле у вас удалы добры молодцы?»
На то оне ему ответ держат.
Не верит старой, домогается,
Говорят ему тогда дочери:
«Не можем отомкнуть, ключи потеряны».
На то молодец осержается,
Приходит к подвалам широким, дверям железным, замкам весучим,
Стоптал все двери железныя, замки весучие —

Сидят там удалы добры молодцы.
Выпускал их на вольной белой свет,
А затим схватил саблю вострую
И срубил у дочерей буйны головы.
Сел тогда молодец на добра коня
И едет вперед в стольной Киев-град,
Оставляет добро соловьиное
Всем удалым добрым молодцам:
«Живите вы, удалы добры молодцы,
И всем соловьиным добром пользуйтесь!»
Едет здраво поле чистое,
Едет здраво лесы темные,
Приезжает тогда в стольной Киев-град,
Приезжает к воротам городовым,
У дверей не спрашивает приверетников,
У ворот приворотников,
Едет прямо через стену городовую,
Через ту башню наугольную,
Подъезжат ко гридне княженевскойей.
О ту пору у князя у Владимира
Завелся почесен пир.
Слезават молодец со добра коня,
Вяжет коня к дубову столбу, золоту кольчу,
Заходит во гриню княженевскую,
Княженевскую гриню, во столовую;
Богу в угол добрый молодец молится
И кланяется во вси стороны,
Князю и княгине на особицу.
Сидят на пиру у князя бояры толстобрюхие и руськие богатыри,
Промежду собой разговаривают:
«Надо ехать дорога чистити;
Заросла дорога прямоезжая,
Заселился на ней Соловей Рахматович,
Тридцать лет не пропускает ни коннаго, ни пешаго,
Ни проезжа удала добра молодца».
Сидит удалой доброй молодец, речи выслушиват
И говорит им таково слово:
«Что вы сидите, толкуете,
Привезен у меня Сбóлвей Рахматович,

Прикован у стремени лошадиной».
Не верят ему гости князевы.
Говорит им удалой доброй молодец:
«Посылайте посмотреть слугу верную».
Посылал князь слугу верную вон на улицу;
Побежала скоро слуга верная,
Посмотрела коня добраго,
А у коня лежит собачище.
Пришла и сказала слуга верная:
«Лежит у коня добра молодца кака ле собачища».
Посылал князь слугу верную
Звать собачищу в гриню княженевскую.
Зовет тогда слуга верная:
«Ой еси, Соловей Рахматович!
Пожалуйте во гриню княженевскую».
Соловей на то ей ответ держал:
«Не ваше я пью и кушаю, не вас и слушаю,
Стараго я ем, пью, кушаю, его и слушаю».
Посылал тогда князь удала добра молодца;
Зовет доброй молодец Соловья Рахматовича во гриню княженевскую,
Говорят ему гости княжески:
«Заставь посвистеть Соловья Рахматовича,
Мы послушаем его, потешимся».
Спросил их удалой доброй молодец:
«Как вам засвистеть — во весь свист але в полусвиста?»
Отвечали ему: «Пусть свистит во весь свист».
Говорит удалой доброй молодец:
«Свисни им, Соловей Рахматович, однако в полусвиста».
Свиснул Соловей полусвистом:
Задрожала гриня княженевская,
Столы расшаталися, яства проливалися,
Бояре все удристалися,
Князя и княгиню старой во руках держит.
Вывел тогда Соловья Рахматовича на широкой двор.
Стали тогда садить добра молодца за широкой стол,
Низко кланяться, стали спрашивать:
«Откуль ты, какой молодёшинёк, зеленёшинёк?
Коего ле ты отца, да коей матери?
Кабы как те, молодца, именем зовут?»

Он-де стал тут им да все рассказывать:

«А того я села да Карачагова,

Из того из города из Мурома,

Как имени Ивана сына Тимофеича».

Уж как тут сидят все на честном пиру:

«Уж мы как его, удала добра молодца, назовем нонь по имени?

Кабы быть же Илья, больше Муромец».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.